

Книгу завершает очерк, посвященный лермонтовскому «Парусу», — жемчужине мировой лирики. На украинский язык «Парус» переводили многие украинские писатели. Подвергая строгому и взыскательному суду различные переводы лермонтовского шедевра, Заславский приходит к выводу, что «Парус» — одно из тех творений русского словесного искусства, которые прочно вошли в эстетическую, духовную, шире — идейную жизнь народа, — стал примечательным фактом украинской литературы» [с. 142].

То или иное положение в книге всегда доказательно, выводится из идейно-эстетического анализа произведения, таких его компонентов, как образность, стиль, ритмика, строфика, эвфоническая окраска текста и т. п. И, как правило, перевод сравнивается с оригиналом. Большой авторской удачей является то, что наряду с разбором украинских переводов из Лермонтова, раскрыта глубина мысли и красота стиха поэтического творчества самого Лермонтова. Автор сумел объединить исследование поэтики Лермонтова и рассмотрение особенностей украинских переводов из его поэтического наследия и тем самым убедительно осветил один из моментов сложного процесса взаимодействия и взаимообогащения литератур.

Материал книги «Поэтическое наследие М. Ю. Лермонтова в украинских переводах» новый, свежий, филологически обработан, теоретически осмыслен. Перед нами безусловно интересное исследование.

Т. П. Маевская

*Отдел русской литературы и литературы народов СССР
Института литературы АН УССР*

Противоречия актуального исследования

И. Кузьмичев. Герой и народ. М., «Современник», 1973.

Новая книга И. К. Кузьмичева, имеющая солидную научно-теоретическую основу, посвящена преимущественно изучению современной военной прозы. В книге пять глав. Две из них — «К типологии современных жанров» и «Границы романа и эпопеи» — обосновывают именно принципы жанрового исследования литературного процесса. И не случайно, поскольку понимание И. Кузьмичевым жанра как важнейшей содержательной формы, «предназначенной для отливки художественного опыта», находит и по сей день среди критиков и литературоведов не только многочисленных сторонников, но и противников, доказывающих, что жанровые критерии могут быть лишь вспомогательным инструментом исследования.

В третьей главе — «Рождение революционной эпопеи» — И. Кузьмичев, указывая на существование в современной литературе произведений, тяготеющих в силу своих жанровых особенностей скорее к традиционно-историческому эпосу, чем к роману, рассматривает горьковскую повесть «Мать» как образец революционной эпопеи нового типа. Заключительные главы — «Подвиг и герой», «Роман и война», — составляющие примерно две трети объема

книги, посвящены рассмотрению советской военной прозы с 40-х годов до наших дней.

Ключевая методологическая проблема исследования — разграничение в современном литературном процессе художественных начал, восходящих то ли непосредственно к традиционному историческому эпосу, то ли к роману, который, как известно, моложе эпоса. На существование принципиальной связи современных произведений с традициями героического эпоса не раз указывалось в нашем литературоведении [3, 4], однако И. Кузьмичев пытается изучить характер такого рода преемственности, исследовать ее специфику едва ли не на уровне изобразительных принципов. Такая задача весьма ответственна и трудна.

По мнению И. Кузьмичева, в современном эпосе две группы жанров — собственно эпическая и романическая. «Романический эпос пользуется преимущественно типизацией, а традиционно-эпический — обобщающей идеализацией» [2, с. 171]. «Автор данных строк убежден, что для современного литературного процесса свойствен синтез родовых и дифференциация видовых, жанровых форм» (подчеркнуто автором, с. 6. — А.Г.). [2, с. 6].

Последнее суждение можно было бы, пожалуй, и оспорить, поскольку синтез родов — более высокая ступень в «размывании» границ жанров. Однако декларируемый И. Кузьмичевым принцип жанровой характеристики далеко не всегда осуществляется последовательно и полно. Решительно выступая против отождествления эпопеи с романом, автор нередко в очень условных и необязательных границах, отделяющих, по его мнению, эпопею от романа, ведет речь об идейно-тематических особенностях военной прозы, изучает внутреннюю структуру литературных произведений и т. д.

Но коль скоро речь все же заходит об элементах старого героического эпоса, проявляющихся в искусстве «пороманной» эпохи (если иметь в виду период, наступивший после расцвета классического романа), то нужно быть предельно объективным и внимательным, чтобы в сложном единстве тех и других генетических начал отдать предпочтение определенным жанровым признакам. Это хорошо чувствует И. Кузьмичев.

Утверждая жизнеспособность в современном литературном процессе традиционно-эпических форм, И. Кузьмичев далеко не во всех случаях бывает объективен в оценке романа. Порою даже создается впечатление, что роман с его постоянным интересом к человеческой личности ограничен в своих изобразительных возможностях, ибо романисты «любят исключением подтверждать правило» [2, с. 167].

Противопоставляя романическую индивидуализацию как важнейшее средство художественного обобщения тяготению к эпической идеализации, а также «личное», частное общенародному и всемирно-историческому, автор книги, на наш взгляд, недостаточно учитывает художественный опыт социально-психологических, публицистических и философских романов последнего времени. Разумеется, синтез обоих отмеченных им начал исследователь видит в романе-эпопее. А если учесть, что «образцом эпопеи нового типа» исследователь считает «Войну и мир», «которая органически включила в себя отдельные особенности, присущие роману, но не превратилась в роман» [2, с. 7], то возникает вопрос: неужели персонажи толстовского произведения испытывают тяготение к идеализации и неужели они интересны лишь как представители данного народа, а не «сами по себе» в такой же степени? Правда,

И. Кузьмичев поясняет далее, что в «Войне и мире» два потока: персонажи из народа как бы обезличиваются, поданы в традиционном эпическом плане, герои же из образованного общества подчеркнута индивидуализированы, то есть воссозданы в романическом ключе. Но как бы там ни было, именно романический эпос за счет широчайшей типизации характеров и обстоятельств, свмещающейся, как известно, с глубочайшей конкретизацией и индивидуализацией, способен выразить когда-то свойственное древнему героическому эпосу содержание, даже не прибегая при этом к обобщающей идеализации. «Тихий Дон» М. Шолохова — убедительный тому пример.

В том, что дело обстоит именно так, убеждает нас вышедшая в 1972 г. книга Г. Н. Пospelова «Проблемы исторического развития литературы». Г. Н. Пospelов разграничивает в произведениях литературы аспекты жанрового содержания и жанровой формы. Если, по мнению исследователя, традиционному эпосу наряду с героическим пафосом и обобщающей идеализацией присуще стремление выражать национально-историческую проблематику, то, по всей вероятности, последняя задача посильна и другим жанрам. В отдельных случаях концепцию Пospelова подтверждает и сам И. Кузьмичев, когда в 4-й главе своего труда ведет речь о содержательных элементах традиционного исторического эпоса в военных очерках, в рассказах Л. Соболева и М. Шолохова, в повести Л. Леонова «Взятие Великошумска». И со многими положениями, высказанными автором в процессе конкретного литературоведческого анализа, трудно не согласиться. И. Кузьмичев в самом деле очень искусно обнаруживает и подчеркивает эпическое начало даже в цикле лирических стихотворений Л. Мартынова «Лукоморье». Но уж если очерк или лирическое стихотворение в состоянии выразить какие-то существенные стороны эпоса, то почему отказывать в этом роману-жанру, чей художественный организм гораздо более совершенен и приспособлен для воплощения самого разнообразного содержания?

Пытаясь утвердить свою концепцию о преимущественном воздействии на современную литературный процесс эпических форм художественного воссоздания действительности, И. Кузьмичев обращается к истокам литературы социалистического реализма, к произведению Горького «Мать» (глава III). Автор утверждает: «В повести «Мать» также легко угадывается как бы два конструктивных начала: одно, собственно романическое, связанное с рождением новых людей (Нилова, Павел Власов), другое — характеризует жизненные обстоятельства, окружающие героев» [2, с. 60], то есть эпическое. И. Кузьмичев настоятельно подчеркивает, что Горький первый из художников обратил внимание на всемирно-исторический процесс соединения социализма с рабочим движением, пробуждение революционного сознания масс сделал содержанием своих произведений. Это все не вызывает сомнения.

Но вот как оценивает И. Кузьмичев творчество пролетарского писателя в плане своего исследования: «Новаторство Горького, что особенно важно подчеркнуть, заключается в смелой, невиданной в истории литературы попытке сделать сознание, мысль не только основным объектом изображения, но и одним из главных средств изображения характеров. На это последнее обстоятельство наши исследователи, по существу, не обращали внимания» [2, с. 95]. Литературоведам хорошо известно, что «в основе эпоса лежит мысль» и что классический роман сосредоточил свое внимание как раз на частной жизни. Безусловно, ограждая революционное сознание масс, пролетарский художник

выразил в своем романе такие стороны жизни народа, которые созвучны жанровому содержанию традиционного эпоса. Но по достоинству оценивая похвальное желание исследователя подчеркнуть новаторство А. М. Горького, мы не можем согласиться с его попытками недооценить при этом мыслительный потенциал классической русской литературы: «В известные эпохи писатели боятся мысли», — заметил Луначарский, и это замечание как нельзя более кстати относится к XIX веку. Из вышеприведенных свидетельств (а их можно увеличить) явствует, что предубеждение перед мыслью для прошлого столетия было своего рода нормой [2, с. 86]. Это трудно признать справедливым, даже если иметь в виду исключительно художественное творчество. Стоит лишь назвать имена русских революционных демократов Герцена и Чернышевского, чтобы поколебать такое утверждение. Неужели утратило всякий смысл высказывание Белинского еще о раннем, по сути, Герцене: «Главная сила его не в творчестве, не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне осознанной и развитой. Могущество этой мысли — главная сила его таланта?» [1, т. 10, с. 318].

Наиболее ценными представляются нам суждения И. Кузьмичева о современной военной прозе. Они составили пятую главу его книги. Будучи сторонником эпического отражения военной жизни, автор все же склонен формулировать основную эстетическую концепцию современной военной литературы как стремление изобразить в первую очередь человека на войне: «И не война сама по себе с ее чисто внешней стороны интересует наших художников, а люди, их судьба, то новое, что несут они с собой в мир, что любят и ненавидят, за что борются, страдают и идут на смерть» [2, с. 180].

Нетрудно заметить, что конкретный литературный материал как бы принуждает исследователя отойти от тех принципов, которые им утверждались в начале книги.

Как бы там ни было, интерес к человеку прямо пропорционален увеличению сферы действия именно романического начала, хотя никто не собирается отрицать, что содержательный аспект современного романа не определяется лишь противоречием личности и общества. Небезынтересно поэтому познакомиться с перечнем черт, которые, по мнению И. Кузьмичева, более подходят для создания эпического советского характера, чем для его романического воплощения [2, с. 166]. Однако едва ли не со всеми перечисленными автором чертами мы как раз и встречались в советских романах, причем едва ли не в первую очередь.

Если пытаться осмыслить движение советской литературы, совмещающей в себе эпическое и романическое начала, то опять-таки можно отметить заметный поворот от романа-события к роману-судьбе. Сам И. Кузьмичев усматривает его и у такого приверженца когда-то первой формы художественного повествования, как К. Симонов.

При анализе трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» И. Кузьмичев весьма искусно связал известную концепцию А. Макарова о двухидейности симоновского романа с элементами внутренней структуры этой, если не главной, то самой значительной в наше время книги о войне. Исследователь настолько тонко проследил художественное воплощение макаровской оценки, что сама критическая концепция, растворившись в художественной ткани произведения, стала почти осязаемой. А. Макаров выдвинул свою точку зрения при рассмотрении первой части нынешней симоновской трилогии. И, ко-

вечно, поверять всю книгу, и в особенности ее заключительную часть — роман «Последнее лето» — этой критической оценкой вряд ли во всех отношениях оправдано. И. Кузьмичев достаточно полно рассмотрел своеобразие внутренней структуры симоновской трилогии, но почти не обратил внимания на связь его произведения, в особенности последнего романа, с литературным процессом нашего времени и с его несколько иными в сравнении с возникшими в конце 50-х — начале 60-х годов идейно-эстетическими принципами.

В работе И. Кузьмичева немало противоречий. Причиной возникновения многих из них является, очевидно, недостаточная разработанность выдвинутой здесь жанровой концепции, не выдерживающей часто возлагаемой на нее нагрузки. Заслуживающие внимания суждения высказываются порою как бы при отступлении от избранного направления в изучении художественного материала.

И тем не менее рецензируемая книга представляет интерес как попытка широкого осмысления живого литературного процесса, не поддающегося, как известно, однократному освоению.

Л и т е р а т у р а

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.—Л., 1953—1959.
2. Кузьмичев И. Герой и народ. М., «Современник», 1973.
3. Пospelов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972.
4. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958.

А. М. Г у т о р о в

*Кафедра истории русской литературы
Харьковского университета*

Певец дружбы народов

(К 80-летию со дня рождения Н. С. Тихонова)

Исполнилось 80 лет со дня рождения одного из талантливейших зачинателей советской литературы — Николая Тихонова, автора знаменитых произведений о своем современнике: «Орда», «Брага», «Баллада о синем пакете», «Киров с нами» и др. Поэзии Тихонова свойственен высокий революционно-патриотический пафос, романтическая окрыленность, большая конденсация мысли, эмоциональная выразительность, ритмическая строгость, богатая национальная колористика.

Тихонов — страстный певец дружбы народов. В его произведениях отражены и суровые черты легендарного города-героя Ленинграда, и величественные Кавказские горы, и синее небо среднеазиатского шафранного края, и наши вечнозеленые Карпаты, и загадочная экзотика далекой Индии. Любовь и уважение поэта ко всем народам — безграничны. И — как ответное чувство — чувство благодарности писателю-интернационалисту — многочисленные посвященные ему стихи, созданные поэтами разных национальностей.